

Раздел 1

СФЕРА ПОЛИТИКИ

*Л.Д.Гудков,
доктор философских наук,
Всероссийский центр
изучения общественного мнения*

Исследования постсоветской России в свете теории тоталитаризма

Проблема тоталитаризма

Одной из наиболее острых и важных проблем отечественных социальных наук я считаю дефицит общих теоретических и концептуальных средств анализа и интерпретации процессов в современной России. Если откинуть конъюнктурные разновидности Transitionsresearches (вырожденной версии теории модернизации) или еще более бедные версии концепций глобализации, то, строго говоря, остаются лишь варианты "теории революции", в рамки которых сторонники экономического детерминизма и пытаются втиснуть процессы и явления прошедшего десятилетия.

Отличительными особенностями этих доктрин является удивительное пренебрежение двумя важнейшими обстоятельствами: анализом конкретных институциональных изменений и культуры российского общества, предопределяющей как функционирование самих институтов, так и незаметно накапливающиеся отклонения от прежних образцов. Среди обществоведов широко распространена негласная конвенция — не поминать прошлое, а сосредоточиваться лишь на тех факторах и явлениях, которые могут быть описаны или интерпретированы как свидетельства социально-экономического или политического развития, движения в сторону "нормальных стран". Возникает впечатление, что вольно или невольно декларации о "новой" или "демократической России", имевшие место в начале 90-х годов, принятие конституции и пр. легко отменили для социологов необходимость анализа или изучения

процессов функционирования постсоветского или российского общества. Критика советского прошлого (в смысле анализа и оценки советской системы) свелась к обличению сталинизма, а затем оказалась совсем забытой. Политические же изменения (приход В.Путина и связанные с ним кадровые перемены в государственных структурах, ограничение свободы СМИ, антизападничество, реанимация идеологии врага, укрепление спецслужб и пр.) стали для большей части обществоведов, еще совсем недавно числившихся по департаменту истмата или научного коммунизма, истории СССР или политэкономии социализма, знаком того, что эта тематика утратила свою актуальность. Именно поэтому необходимость в теории советского и постсоветского режима не просто осталась, а напротив, приобретает все большую значимость. Во-первых, встает крайне важный теоретический вопрос о характере и причинах устойчивости структуры постсоветского общества и "советского человека", их сопротивления изменениям, а во-вторых, о более общих рамках сравнительного анализа переходных обществ или обществ неклассической модернизации, потенциале их трансформации и факторах блокировки развития, в-третьих, о последствиях длительного существования такой системы, появлении негативных механизмов адаптации к насилию, блокировки потенциала интенсивного развития, кастрации продуктивных и инновативных элит, исторической амнезии и пр. Возможность для этого представлена теоретическими разработками концепций тоталитаризма, ориентированными специально именно на решения подобных проблем и задач, т.е. предоставляющих отдельному исследователю концептуальные и предметные ресурсы общей теории, основы для сравнительно-исторического анализа.

В отношении к концепции тоталитаризма российские обществоведы проявляют удивительную застенчивость, воспринимая это понятие как чисто ругательное, неприличное в нынешних условиях "демократической России". Можно без большого преувеличения сказать, что суть этих теорий в России остается неизвестной, а расхожая негативная оценочность слова "тоталитарный" лишь закрепляет нежелание социальных исследователей всерьез работать над проблематикой понимания природы нынешнего общества и ее связи с советским тоталитаризмом. Отсутствие же теоретических разработок и соответствующих дискуссий, как убедительно показал В.Заславский, оборачивается поверхностностью или банальностью предпринимаемых выводов и заключений, отсутствием перспективы частных описаний, невозможностью генерализации или сопоставления с другими формами репрессивных систем¹. В этом Россия радикально отличается от Германии, где идет интенсивная

¹ Заславский В. Постсоветский этап изучения тоталитаризма: Новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002 № 1 С 45-53.

теоретическая и социально-эмпирическая исследовательская работа по осмыслению феноменов возникновения и ресурсов воспроизводства тоталитарных систем¹.

Советская система, по общему мнению исследователей, наиболее близка к теоретической модели тоталитаризма, описанной еще К.Фридрихом и З.Бжезинским, и не только в силу интенсивности репрессивной организации, но и по направленности террора: в отличие от нацистского режима террор и репрессии в СССР захватывали все население, внутри которого возникали "враги", а не отдельные, более или менее выделяемые этнические группы (евреи, цыгане), которых гитлеровский режим выдвигал на роль символических "носителей зла". Эта система была единственной, рухнувшей по внутренним причинам, а не в результате военного поражения. Только она одна прошла весь цикл своего развития. Поэтому описание советской и постсоветской России позволяет проследить, в какой мере сохранились структуры советского типа в нынешней России и какое воздействие они оказали на склад массового сознания. Интересно развернуть тоталитарную модель и сравнить ее с советской или российской действительностью (так, как она представлена в материалах эмпирических исследований), для того чтобы затем иметь возможность каузально или функционально объяснять возникшие отклонения или зависимости.

Под "тоталитарной системой" следует понимать структуру институтов репрессивных и закрытых обществ, функционирование которых обеспечено определенной технологией господства. Ее важнейшими чертами являются:

1. Слияние "партии и государства", номенклатурная конституция общества. Партийные органы обеспечивают контроль за социальной структурой путем систематического кадрового назначения и перемещения руководителей любого уровня, вплоть до самого низшего. Тем самым организация общества подчинена жесткому иерархическому порядку: сеть партийных органов пронизывает любые организации и социальные образования, независимо от их функций и назначений. Партия подразделяется на "внутреннюю партию" (аппарат) и внешнюю, обеспечивающую массовую поддержку и выполнение политических решений "партии-правительства", а также контроль за происходящим в обществе. Партийные структуры, в свою очередь, дополняются множеством других организаций, капиллярно покрывающих все разнообразие социальных форм, государственных и общественных объединений, хотя по значимости на первом месте стоят самые массовые — профсоюзные, молодежные, детские, спортивные и т.п. организации.

---

¹ Гудков Л. "Тоталитаризм" как теоретическая рамка: Попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 5. С. 20-29; № 6. С. 13—30 См. также: Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию. М.: ИВИ РАН, 2000.

Матрица централизованной организации (социальный контроль сверху вниз как принцип их образования и конституции) задает определенную внутреннюю логику развития подобных структур господства: 1) концентрация дееспособности на высшем уровне и тем самым нарастающая неэффективность всей системы; 2) систематическое возникновение феноменов и механизмов "ведомственной харизмы", придание авторитета только одной социальной позиции в иерархии — высшего руководителя, наделение вождя ореолом непогрешимости и всеведения. Однако именно по обстоятельствам бюрократической селекции наверх может пройти только наименее инициативный и самый лояльный к вышестоящему начальству кандидат. При каждой смене лидера, при каждой итерации властного цикла на место лидера приходит все менее активный и дееспособный индивид, причем этот процесс длится до тех пор, пока сам механизм (по данной логике) не ломается.

В перспективе такая жесткая структура социальной организации должна с неизбежностью повлечь за собой ограничение и уничтожение автономности различных функциональных сфер общественной жизни, а следовательно, и подавление социального и культурного разнообразия, резкое снижение значимости собственных структур гратификации в каждой из этих функциональных областей. (Социально-психологическими следствиями этого будут уравниловка и апатия, пассивный характер адаптации к давлению властей, инерция патерналистского отношения к власти.)

Как только прекращается массовый террор, начинается интенсивный, вначале латентный, затем — все более и более открытый процесс децентрализации партийно-государственных или партийно-хозяйственных структур (по отраслевым, этнонациональным или республиканским, местным и другим полускриптивным параметрам). Скрытая борьба отдельных кланов и группировок за власть сопровождается ростом общей коррумпированности структурообразующей партии, цинизма ее членов, защитой полученных позиций, а значит, и усилением социальной сегментарности, иерархической замкнутости, кастовости общества. Отсюда и общая стагнация, утрата авторитета руководства в обществе, а через некоторое время — появление (там, где репрессивный порядок слабеет) некоторого подобия контрэлит, получающих моральный авторитет.

2. Организованный и принудительный общественный консенсус, создаваемый благодаря монополии на средства информации и пропаганды вместе с режимом строжайшей цензуры. И то и другое обеспечивает условия для **хронической мобилизации населения** на выполнение решений "партии—государства", обещающей "неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся" и тем самым задающей параметры массового спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Гарантии будущего и солидарность против внешних и внутренних угроз, реальных или

фиктивных врагов создают определенное равновесие в обществе. Внимание подданных сфокусировано преимущественно на сюжетах внутренних событий страны, изолированной от внешнего мира. Отсюда — сознание у подданных режима своей исключительности и центрированности "на себе", мощный барьер отчуждения, нежелания знать и понимать то, что происходит "за забором".

3. Государственный террор, осуществляемый тайной полицией, спецслужбами, экстраординарными парамилитарными структурами, выведенными из сферы действия правовой системы. Нацеленность самой этой системы по большей части на защиту корпоративных интересов режима и в этом смысле резко отличает ее от гражданского права в демократических странах. Режим террора (институты тайной полиции, КГБ, "первые отделы", спецчасти и т.п.) составляет негласную, необсуждаемую область социальных значений, определяющих массовое поведение, подобно традиционным регуляторам и механизмам (устным образом, неcodифицированно, воспроизводясь исключительно в ходе межличностного взаимодействия). Система концлагерей образует другую важнейшую социокультурную составляющую тоталитарной системы, без которой она в принципе не могла бы существовать. Угроза лагеря (превращение в "лагерную пыль") — не просто постоянный горизонт превосходящего в стране и минусовая точка отсчета шкалы социальных позиций, она образует ценностный негатив по отношению ко всем декларативным официальным ценностям и принципам. В этом плане она является объяснением не столько даже самой устойчивости системы (разделения на чистых и нечистых), сколько ее конституции, ее чрезвычайности и жесткости, воспроизводя и ретранслируя подразумеваемый, но никогда не формулируемый резидуум социального знания и компетенций, представлений о природе данного общества.

Тайная полиция и концлагерь, с одной стороны, официальная пропаганда и культура — с другой, задают характерное "двойное сознание", "двоемыслие", которое, вообще-то говоря, ничего общего не имеет с феноменами социальной шизофрении, описанной Оруэллом. Эффект двоемыслия — подавление возможностей систематической рационализации социальных отношений, прежде всего очагов появления устойчивых форм позитивной гражданской солидарности, институционализации групповых интересов. Двоемыслие ведет к повседневной парцелляции кодов и нормативных правил действия, к невозможности генерализации правил социального поведения, а тем самым — к атомизации социального существования, дробления его на отдельные, не связанные непосредственно друг с другом жизненные зоны, корпускулы. В этих условиях оказываются невозможными систематические связи и отношения, основанные на каких-либо иных ценностях и интересах, не санкционированных государством, во всяком случае, их оптимизация и гарантированное

развитие. Невозможна институционализация структур, возникающих из внегосударственных источников и питающихся внегосударственными ресурсами (в пределе — гражданское общество).

Террор обеспечивает здесь реализацию нескольких социальных функций: механическую интеграцию социума, дисциплинирование массы и показную лояльность к ближайшим властям, смену кадров и тем самым — социальную динамику внутри формальных организаций. Без однонаправленного ("сверху вниз"), репрессивного характера социального контроля и управления любыми сферами социальной жизни тоталитарный режим не может сохраняться в течение длительного времени. Террор — способ поддержания матрицы системы, профилактики ее развития и дифференциации. Вместе с тем террор обеспечивает необходимую подвижность системы, будучи механизмом поколенческой и элитарной смены кадрового состава.

Пока действуют механизмы террора, замедляются процессы функциональной дифференциации, механизмы социальной gratification очень ограничены, как правило, официальными премиями и поощрениями, статусными привилегиями и т.п. Сами по себе масштабы и характер репрессий могут сильно различаться. Главным в работе органов госбезопасности в конце 70-х — начале 80-х годов была "профилактика", имевшая всеобщий характер. Последствия террора — отсутствие инновационного движения, уничтожение смыслового потенциала, неизбежный рост внутрисистемных напряжений, так или иначе ведущий к стагнации системы в целом. Правовой нигилизм или, может быть, привычка к произволу, произвол и насилие как нормальные конструктивные элементы повседневности, горизонт социальной, несущая опора социальной жизни как таковой. Отдаленные последствия террора — складывание социальной и культурной матрицы brutality, повседневного насилия и агрессии, воинственности как формы или средства решения конфликтных ситуаций или ставших проблематичными взаимоотношений, придание силовым институтам символической роли "центральных" в культуре данного общества.

4. *Милитаризация общества и экономики*, гипертрофированный характер ВПК, подчинявшего себе все прочие отрасли экономики; поддержание в обществе постоянного уровня готовности к войне, угроза войны как горизонт общественной жизни. Деятельность пронизывающих все общество сверху донизу мобилизационных структур (включая средние и высшие образовательные учреждения и такие полувоенные организации, как типа ДОСААФ, спортклубы, периодические сборы резервистов, тренировки по гражданской обороне и пр.) меньше предназначены для подготовки населения к защите от внешнего нападения. Главной целью этих структур является приучение к выполнению любых мероприятий руководства, какого бы рода они ни были ("начальству виднее").

Подобная необходимость повиновения оправдывалась угрозами, исходящими из скрытого присутствия внутренних врагов, перерожденцев, подкулачников, шпионов, пособников врагу, людей с чужим образом мысли. Постоянная накачка бдительности предопределяла всеобщие навыки различения своего—правильного—неправильного поведения, опознаваемого как чужое и враждебное, раздражающее и неприличное. При том, что в действительности это вырождалось с течением времени (особенно спустя некоторое время после войны, в 60-х и тем более 70-х годах) в обычную халтуру и пассивное участие в плановых ритуалах. Тем не менее вся эта дрессура поддерживала (как сама собой разумеющаяся практика запретов и барьеров) состояние хронического изоляционизма во всех важнейших сферах: закрытый характер общества, ксенофобию, социальную безответственность (перекладывание ответственности на власти). Последствием этого можно считать незаметную деградацию социально-гуманитарного и культурного потенциала общества (относительное одичание), стерилизацию институциональных и индивидуальных способностей усваивать новое в любых отраслях жизни.

5. *Планово-распределительная экономика* и связанный с этим неустрашимый, *постоянный дефицит товаров, услуг, информации и т.п.* Подчеркну, что дефицит здесь, как не раз уже писалось, — это не просто нехватка или скудость ресурсов, а способ организации общества: официальный статусно-иерархический доступ к распределению благ и ценностей (в соответствии с положением и заслугами перед властью, "начальством"), дополняемый неформальными, "блатными" или теневыми структурами. Теневые структуры отношений, знаний, компетенций, правил поведения и т.п. составляющие "реального мира" образовывали (вместе с лагерями, КГБ, системами устрашения и принуждения) фактический корпус механизмов регуляции и социальных представлений, а соответственно, придавали повседневной жизни оттенок социальной шизофрении, являющейся необходимым условием рутинного существования общества в целом.

6. *Хроническое состояние искусственной бедности населения, возникшей* не в силу неразвитости экономики, скудости полезных ископаемых или почвы, а *как функция определенного типа централизованной экономики, специфической военно-промышленной направленности ее развития, подчиненности государственным, а не частным приоритетам.* Бедность в этом случае не просто условие патерналистской зависимости населения от властей, от структур распределительного государства; бедность здесь имела систематический, функциональный характер, поскольку при низкой производительности труда и отсутствии частной мотивации к повышению его эффективности благосостояние населения (сокращение фонда потребления) было единственным ресурсом для государственных инвестиций в приоритетные

сферы экономики. Тоталитаризм возникает в условиях нарастающей бедности (отсутствие перспектив для значительной части общества и, соответственно, появление надежд на экстраординарные средства в политике) и может существовать только при поддержании крайне низкого уровня жизни. Можно сказать, что тоталитаризм — это система снижающейся эффективности использования ресурсов общества. Тоталитарный режим не выдерживает сколь угодно определенного, пусть и невысокого, но устойчивого повышения уровня и качества жизни, роста массового благосостояния, поскольку при этом начинается не просто эрозия мобилизационно-аскетических норм и ценностей жизни, но и подвижка или смена ведущих ценностей, рост значимости и привлекательности потребительских представлений и мотивов. В этом смысле конец тоталитарного режима предопределен разрывами между стандартами жизни в тоталитарной стране и в развитых странах, составляющих "мировое сообщество". (Куба и Северная Корея могут составлять дополнительные примеры для аналогичного вывода.)

7. Неподвижность населения, принципиальное ограничение социальной мобильности как горизонтальной, так и вертикальной, кроме регулируемой государством в собственных целях: принудительная миграция, обусловленная процессами форсированной индустриализации и раскрестьянивания сельского населения; ГУЛАГовские массовые перемещения и экономика, соединяющая ВПК и лагеря; паспортная система и прописка (свобода перемещения, т.е. смена места работы, появляется лишь через несколько лет после смерти Сталина); невозможность свободного выезда за границу и въезда в страну, полукрепостной характер жизни основной массы населения, не имеющего собственных ресурсов для свободы маневра.

Вопреки распространенным представлениям, я не считаю идеологию (в данном случае — коммунистическую в ее ортодоксально-марксистской или миссионерско-революционистской, или даже великодержавной, советско-имперской версиях) принципиальным признаком тоталитарных режимов.

Посттоталитарная, постсоветская Россия

Таким образом, чтобы раскрыть понятия "тоталитаризм", "тоталитарный режим" или "тоталитарная система" необходимо построить более или менее ясную конструкцию институциональной системы и ее следствий. Последние выражаются в складывании специфических массовых механизмов идентичности, социальных образований, сетей взаимодействия и т.п., которые воспроизводятся в современном российском обществе, накладывают свой отпечаток на политику, экономические процессы и пр. Это нужно прежде всего для того, чтобы восстановить некоторую рамку понимания происходящего сегодня, стершуюся за разговорами о новой демо-

кратической России, ее возрождении (а отсюда — после быстрого перехода — возвращении прежней роли мировой державы, укреплении государства и т.п.). Только такого рода реконструкции позволяют видеть в психологических состояниях, направленности общественного мнения, в его ситуативных реакциях, резидуальные, осадочные структуры тоталитарной социализации, навыки и привычные регуляторы сознания и мышления, заданные тоталитарными институтами. Обычно все они проявляются не напрямую, а негативным образом — через блокировку формирования других структур или мотивов действия, подавляя способности к образованию гражданского общества (отношений взаимной солидарности, ответственности) и представительских институтов. Дальнейшая работа заключается в том, чтобы определить, что в поле общественного мнения, в характеристиках советского человека обусловлено собственно тоталитарными институтами (и соответственно, должно немедленно исчезнуть с их крахом), а что причинено латентными социальными структурами и образованиями, возникшими в результате тоталитарного режима, и сохраняется в психологическом складе нации, ее культуре, приобретая самооценный и самостоятельный характер, воспроизводясь в системе ориентаций, воспитании, в структурах и ритуалах повседневности.

Итак, с чем мы имеем дело сегодня? После краха ГКЧП, запрета КПСС и распада СССР, казалось, был упразднен сам принцип номенклатуры, монополии единой партии. Однако сами руководящие кадры из второго и третьего рядов номенклатуры не просто сохранились, а составляют абсолютное большинство в руководстве страны и кадровый резерв бюрократии. Никакой другой группы, слоя, типа людей не появилось.

Более того, крах системы не означает ликвидации самих институтов, в значительной своей части оставшихся, не изменивших своей структуры и функций. Так, ликвидация КГБ СССР, конечно, резко сократила объем полномочий тотального института тайной полиции. Но сам институт вышел из кризиса вполне сохранившимся, как показывают участвовавшие шпионские процессы, система характерных провокаций и влияние на кадровый подбор в высших структурах власти. Реформы в армии не начинались. Структура и функции суда, милиции, прокуратуры и других "органов охраны общественного порядка", по существу, остались не тронутыми: их дух и буква — подавление гражданского общества, защита интересов государственной бюрократии разных уровней.

Нет плановой экономики в прежнем объеме, но распределительная экономика в значительной степени еще сохраняется — через бюджет и контроль за директивными ценами на продукцию ведущих монополий, через отраслевые и региональные дотации и субсидии, консервацию ЖКХ, и пр. А следовательно, сохраняется проблема "коррупции" и популистская демагогия борьбы с ней. Не-

равноправие на рынке экономических субъектов (отсутствие на нем единых правил поведения) отражает заинтересованность федеральной и региональной бюрократии разных уровней в консервации нынешнего положения вещей. Это, в свою очередь, оборачивается сохранением и последовательным проведением чисто фискальной, прессинговой политики государства в экономике, плоским меркантилизмом и защитой привилегированных производителей от конкуренции, поддержанием населения на привычном уровне бедности.

Можно указать лишь на два ряда фактов, лучше прочих свидетельствующих о неизменной репрессивности институциональной системы: 1) отток из страны капиталов, представляющий суммарный итог недоверия действующих экономических субъектов к государству как таковому; хранение накоплений у тех, у кого они имеются, в валюте, а не в рублях; постоянный разрыв в представлениях об уровнях "нормальной" оплаты труда и фактического заработка (разрыв между ними устойчиво составляет 2-2,5 раза) и др.; 2) столь же хроническое недоверие граждан и постоянно низкие оценки ими деятельности важнейших государственных институтов, прежде всего, властных структур (кроме нынешнего Президента РФ): правительства, парламента, суда, милиции, политических партий, профсоюзов и др. В этом же ряду можно рассматривать и рейтинг В.Путина, остающийся высоким на протяжении двух лет его авторитарного правления независимо от прагматической оценки его конкретных дел¹.

---

¹ Не имея возможности подробно остановиться на проблеме авторитаризма, на мой взгляд, слабо разработанной в современной политической социологии — о российской не стоит даже говорить, я сошлюсь здесь лишь на Хуана Линдца. "Авторитарными" в отличие от тоталитарных он называет "такие политические системы, которые характеризуются ограниченным, но лишенным ответственности политическим плюрализмом, в которых нет какой-либо систематически разработанной и руководящей или сакральной, миссионерской идеологии. Они, однако, обладают отчетливо выраженными формами ментальности, которые <допускают и> оправдывают жесткое массовое управление. В этих системах невозможна какая-либо экстенсивная или интенсивная массовая политическая мобилизация (хотя в их собственной истории становления подобные моменты мобилизации вполне возможны). Власть здесь имеет и осуществляет вождь (иногда узкая группа лиц) внутри формально едва ли определимых, но фактически вполне предсказуемых границ". Как правило, легитимационное обоснование авторитарного режима, появляющееся при захвате власти и отмене (если они были) демократических законов и норм, представляет собой неопределенные представления о срочной необходимости наведения порядка в стране, восстановления ее единства, свержения коррумпированных режимов и отстранения от власти олигархических кланов, освобождения от иностранного влияния и т.п. Во всем этом нет, собственно, идеологического обоснования или идеи, могущей быть привлекательной для интеллектуалов, способных рационализировать ее в соблазнительные для массы лозунги. Массовый энтузиазм в первые годы тоталитаризма резко контрастирует с пассивным принятием авторитарных режимов, их склонностью к традиционализму, лишенного какой-либо строгости и определенности духовной позиции. Акцент в понятии "тоталитарная система" делается на массовой мобилизации, "авторитаризм" удовлетворяется политической апатией, пассивным терпением и послушанием подданных, оппортунизмом и цинизмом элиты. *Linz J.J. Totalitaere und autoritaere Regime. B., 2000. S. 144, 145.*

СМИ резко децентрализовались, но не стали независимыми, т.е. рыночными, ориентирующимися главным образом на потребителя и его интересы. Они оказались подконтрольными региональным властям (местные СМИ) или федеральной администрации (центральные СМИ), т.е. нацеленными на задачи агитации и поддержки соответствующего начальства.

Иначе говоря, *система институтов* явно разрушилась, но остались, с одной стороны, ее целостные звенья, отдельные социальные институты, о которых уже говорилось, а с другой — гораздо более важные и значимые вещи. К ним относятся: а) последствия жизни в тоталитарных обществах уже после них самих, после их краха, то, что может быть названо инерцией, привычками, обычаями, автоматическими навыками реагирования на определенные ситуации. Это не какие-то простейшие реакции, рефлексy, а очень сложные и противоречивые по своему символическому или ценностно-нормативному составу интернализированные конфигурации регуляторов поведения, идентичностей, мотивов, интересов, адаптивных механизмов; б) социальные латентные образования воспроизводящихся в поле межинституционального, средовом пространстве.

Таких форм огромное множество, но в социологической литературе они плохо описаны. Назову лишь две принципиально разные по своему характеру: блат (дефицитарные структуры) и коллективное заложничество. Если системы первого типа обеспечивают межинституциональные связи, то структуры второго типа — **внутри**институциональные или даже внутриорганизационные. И те и другие типы связей пронизывают все структуры любого уровня и функционального назначения (включая, разумеется, и сами властные или репрессивные институты). Правила поведения в таких структурах соединяют в себе нормы и представления социальных образований разных уровней и типов — институтов, формальных и неформальных групп, обладающих очень часто (почти всегда) разнонаправленными или противоречащими друг другу императивами и требованиями. Социальный порядок в посттоталитарных обществах складывается как система адаптивных (промежуточных) структур и образований для демпфирования тоталитарного давления и, напротив, защиты подданных ценой понижения социального и культурного потенциалов (деидеализации культуры, ростом негативных и рессантиментных идентичностей, представлением о всеобщей коррумпированности и мафиозности, бандитизме, шкурности и "жлобстве"), подавление дифференциации и разнообразия, взаимоотношений, что, в свою очередь, вызывает массовые настроения дезориентированности, зависти, мести, требования ужесточить контроль (в бизнесе, в СМИ, в культуре). В этом плане невозможность эффективной экономики, политики и прочих процессов институциональной рационализации связана именно с подавлением (чаще частичным или строго ситуативным)

определенных норм формальных институтов, не обеспечивающих оптимизацию заданных ими структур действия. Их суррогатами и выступают блокирующие развитие разнообразные виды *неформальных, аморфных или пластичных комплексов отношений и связей адаптивного характера и функций*, значения которых принципиально не могут быть артикулируемыми и кодифицируемыми в институциональном языке. В самом общем виде можно назвать пять или шесть видов продуктов (комплексов) распада институциональной системы тоталитаризма:

1) астенический синдром, подавленность универсальных форм гратификации, массовая негативная идентичность; деградация элит;

2) нео- или псевдотрадиционализм, спрос на различного рода суррогаты фундаментализма — от этнорелигиозного (православно-го, исламского и др.) до расового, чрезвычайно распространенного сегодня в России;

3) миммитационный авторитаризм;

4) различные формы двоемыслия как механизмы понижающей адаптации к насилию, жесткому социальному контролю;

5) авто- и внешняя агрессия, "синдром заключенного", описанный В.Франклом и т.п.

Все это означает появление огромного пласта социального существования, не просто не подлежащего институциональной оптимизации и рационализации, но составляющего аналог традиционной или устной культуры со всеми характерными свойствами (передачей от лица к лицу, целостным образцом, без анализа или критической дистанции и т.п.), но только это будет искусственная или новая (апофатическая) квазитрадиционность. Ее особенность будет заключаться в том, что она снимает разрывы между высококоразвитыми и институционализированными сферами (современными технологиями, наукой, урбанизмом, коммуникативными системами и пр.) и бедностью или даже примитивностью позитивных значений человека, его ценностями. Само наличие такого пласта значений, представлений и соответствующих регуляторов поведения предполагает отсутствие элиты в смысле авторитетной группы, источника инноваций или поддержания образца, вязкость общественного сознания и ритуализм общественной жизни, наличие довольно примитивных способов поддержания целостности — через постоянную выработку фигур "врагов" (чеченских бандитов и террористов, НАТО, турецких спецслужб, олигархов, финансово-политических кругов Запада, продажных демократов и пр.) и периодической потребности в "вожде" — очередном лидере страны, выполняющим прежде всего репрезентативно-символические функции, — быть персонификацией проективных массовых представлений о целом, т.е. о приукрашенных самих себе. Это не авторитаризм или, если угодно, мнимый, суррогатный авторитаризм, режим,

который лишь подражает тоталитарным типам организации, поскольку не знает других образцов кроме них. Но в отличие от собственно тоталитарных структур он не в состоянии ни воспроизвести прежнюю технологию господства, предполагающую террор и массовую мобилизацию, ни выдвинуть привлекательные для массы цели и лозунги. Его задачи и возможности — постараться удержать социальную систему от распада ценой неизбежной примитивизации и потерь возможностей для развития. Собственно, его можно было бы назвать режимом инерционного или консервативного воспроизводства.